

РОБИН
ХОББ

САГА О ВИДЯЩИХ

*Ученик убийцы
Королевский убийца
Странствия убийцы*

САГА О ЖИВЫХ КОРАБЛЯХ

*Волшебный корабль
Безумный корабль
Корабль судьбы*

САГА О ШУТЕ И УБИЙЦЕ

*Миссия шута
Золотой шут
Судьба шута*

ХРОНИКИ ДОЖДЕВЫХ ЧАШОБ

*Хранитель драконов
Драконья гавань
Город драконов
Кровь драконов*

САГА О ФИТЦЕ И ШУТЕ

*Убийца шута
Странствия шута
Судьба убийцы*

САГА О ВИДЯЩИХ

—
*Королевский
удийца*
—

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Робин Хобб

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Посвящается Райану

Коралевский убийца

Пролог

Сны и пробуждения

Почему считается, что записывать магические знания ни в коем случае не следует?

Возможно, истинная причина тому — в извечной боязни дать страшное оружие человеку недостойному.

И потому с незапамятных времен секреты магии передавались лишь от наставника к ученику. Маги тщательно отбирали и обучали своих воспитанников. На первый взгляд эта скрытность объясняется похвальным стремлением оградить людей от неподготовленных и безответственных чародеев, но ведь, чтобы овладеть магическим искусством, одних только знаний недостаточно.

Предрасположенность к определенному роду волшебства человек получает от рождения.

Например, способность к магии, называемой Силой, чаще всего встречается у представителей королевской династии Видящих. Но порой она проявляется и у людей, среди предков которых были как представители материковых племен, так и жители Внешних островов.

Тот, кто умеет направлять Силу,

РОБИН ХОББ. КОРОЛЕВСКИЙ УБИЙЦА

*способен услышать мысли другого человека,
как бы далеко друг от друга они ни находились.
Особо одаренные Силой могут влиять на разум других
людей или общаться с ними на расстоянии.
Для командования сражением или разведки
это крайне полезное умение.*

*В фольклоре упоминается еще более древняя магия,
ныне повсеместно презираемая. Она известна нам
под названием Дар. Не многие признаются,
что наделены этой магией. Обычно люди говорят,
что это свойство крестьян из соседней долины
или тех, кто живет по другую сторону дальнего
моста. Я подозреваю, что некогда Дар был
естественной способностью обитавших на нынешней
территории Шести Герцогств охотников — тех,
кто чувствовал родство с дикими лесными
животными. Оседлым людям такое было недоступно.
Дар, по слухам, давал человеку способность говорить
на языке животных. Наиболее активно
применяющих Дар предупреждали, что они могут
превратиться в животное, с которым связаны.*

Но возможно, это только легенды.

*Существуют несколько разновидностей магии
Ограждения, хотя мне никогда не удавалось
установить происхождение этого названия.
Действенность подобного волшебства часто
ставится под сомнение, хотя не менее часто
и подтверждается. Это и чтение по ладони,
и гадание по воде,
по отражениям хрустала и множество других
магических техник,
имеющих целью предсказывать будущее.*

*Особняком стоит волшебство древних племен,
которое нельзя отнести к той или иной известной
разновидности магии. Это способность даровать*

ПРОЛОГ

невидимость или левитировать, перемещать вещи на расстоянии или вдыхать жизнь в неодушевленные предметы. Словом, все легендарные волшебные вещи от Летящего Кресла Сына Вдовы до Волшебной Скатерти Северного Ветра. Я не знал еще человека, который признавал бы, что владеет подобными умениями. Они, по-видимому, существуют лишь в легендах и приписываются людям, жившим в давние времена или в дальних странах, или существам мифическим и полумифическим — драконам, гигантам, Элдерлингам.

Я прерываю свою работу, чтобы почистить перо. На этой плохой бумаге буквы то слишком тонкие, то расплываются кляксами. Но я не буду использовать для записей хороший пергамент. Пока нет. Да и следует ли их вести? Я спрашиваю себя, зачем вообще доверять это бумаге? Разве эти знания не будут переданы из уст в уста тем, кто достоин их? Возможно. Но возможно, и нет. То, что мы сейчас принимаем как должное, может однажды стать чудом и загадкой для наших потомков.

В библиотеках вы не многое найдете о магии. Я трудолюбиво отслеживал нить знания в лоскутном одеяле обрывочных сведений. Я нашел отдельные ссылки, случайные намеки — и только. За последние несколько лет я собрал их все и храню в памяти, намереваясь свести воедино и изложить на бумаге. И дополнить тем, что стало мне известно из собственного опыта. Возможно, в далеком будущем моя работа ответит на вопросы какого-нибудь несчастного глупца, которого раздавит его собственная магия. Как когда-то меня.

Однако, сев за стол, чтобы приступить к этой работе, я медлю. Кто я такой, чтобы противопоставить мое желание мудрости тех, кто жил до меня? Должен ли я записать простыми словами те методы, при помощи которых Одаренный может расширить зону своего влияния или привязать к себе какое-то

создание? Должен ли я детально изложить, чему должен научиться человек, прежде чем его признают владеющим Силой? Магиями Ограждения и легендарными магиями древности я не владел никогда. Имею ли я право раскапывать их тайны и прищипливать к бумаге, словно бабочек? Я пытаюсь обдумать, на что способен человек, получивший такие знания несправедливым путем. Это приводит меня к размышлениям о том, что это знание дало мне. Власть, богатство, любовь женщины? Горько и смешно. Ни Сила, ни Дар ничего подобного мне не дали. А если и предоставили такую возможность, то у меня не достало разума и честолюбия, чтобы ею воспользоваться.

Власть? Не думаю, что когда-нибудь я хотел получить власть ради власти. Я жаждал ее порой, когда был повержен или когда мои близкие страдали под гнетом тех, кто злоупотреблял своим могуществом. Богатство? Оно меня никогда не прельщало. С того мгновения, как я, незаконный внук короля Шрюда, поклялся ему в верности, он всегда следил за тем, чтобы мои нужды полностью удовлетворялись. Еды у меня было в достатке, учебы — даже больше, чем мне иногда хотелось, одежда у меня была и простая, и раздражающе роскошная, и частенько мне перепала монета-другая на мелкие расходы. По меркам Оленьего замка я и вправду жил весьма богато, а уж мальчишки города Баккипа могли только мечтать о чем-то подобном. Любовь? Что ж... Моя лошадка, Уголек, неплохо ко мне относилась — на свой тихий лад. Меня искренне любил пес по имени Востронос, и это стоило ему жизни. Со всей силой собачьей преданности привязался ко мне щенок терьера, и его это тоже привело к гибели. Я содрогаюсь при мысли о цене, которую они с готовностью заплатили за любовь ко мне.

Меня всегда мучило одиночество человека, выросшего среди интриг и тайн, человека, который никому не может полностью открыть свое сердце. Я не мог пойти к Федврону, замковому писарю, ценившему меня за умение красиво писать и рисовать, и рассказать ему, что не имею возможности стать его учеником, потому что уже учусь у убийцы, состоящего на службе у короля. Также я не мог открыть Чейду, моему наставнику в дипломатии кинжала, что я вынес, пытаюсь овла-

деть основами королевской магии у мастера Силы Галена. И ни одному человеку не смел я открыто говорить о моей склонности к Дару, древней магии, считавшейся извращенным и позорным умением.

Даже Молли.

Из всего, что было у меня, Молли была наибольшей драгоценностью, истинным утешением. Она не имела ничего общего с моей повседневной жизнью. Дело не только в том, что она была женщиной, хотя в этом и таилось для меня что-то загадочное и непонятное. Я рос почти исключительно в мужском обществе, лишенный не только матери и отца, но и других кровных родственников, которые бы открыто признавали меня. Еще ребенком меня отдали на воспитание Барричу — суровому главному конюшему, некогда бывшему правой рукой моего отца. Моими товарищами были конюхи и стражники. В те времена, как и сейчас, в военных отрядах имелись женщины, хотя и не так много, как теперь. Но, как и у мужчин, у них были четкие обязанности, и когда они не стояли на посту, то занимались собственными семьями. Я не мог отнимать у них время. У меня не было ни матери, ни сестер, ни теток. Не нашлось ни одной женщины, предложившей мне ту особую нежность, которую, как говорят, может дать только представительница прекрасного пола.

Ни одной, кроме Молли.

Она была всего на год или два старше меня и росла — подобно зеленому побегу, пробивающемуся сквозь щель в булыжной мостовой. Ни пьянство и жестокость отца, ни изнурительный труд подростка, пытающегося содержать дом и продолжать семейное дело, не смогли сокрушить ее. Когда я впервые встретил ее, она была дикой и настороженной, как лисенок. Молли Расквашенный Нос — так звали ее уличные мальчишки. Она часто бывала вся в синяках от побоев своего отца. Несмотря на его жестокость, Молли, однако, любила его. Я никогда не мог этого понять. Он упрекал и ругал дочь, даже когда она тащила его домой после очередной попойки и укладывала в постель. А проснувшись, никогда не испытывал раскаяния за свое пьянство и грубость. Были только новые придирки: почему мастерская не выметена и пол не посыпан свежей травой, почему Молли не ухаживает за пчели-

ными ульями, когда мед для продажи почти кончился, почему не уследила за огнем под котелком с воском... Я был этому свидетелем гораздо чаще, чем мне бы хотелось.

Но, несмотря на все это, Молли росла. И в одно прекрасное лето она внезапно расцвела в молодую женщину, которая заставила меня благоговеть перед ее очарованием. Что до нее, то она, по-видимому, совершенно не подозревала о том, что глаза ее, встретившись с моими, лишают меня дара речи. Никакая магия — ни Сила, ни Дар, которыми я обладал, — не могла защитить меня от случайного прикосновения ее руки и от смущения, в которое меня повергала ее улыбка.

Стоит ли мне описывать ее летящие по ветру волосы или рассказывать, как цвет ее глаз менялся от темно-янтарного до карего в зависимости от ее настроения или тона ее платья? Заметив ее алую юбку и красную шаль среди рыночной толпы, я внезапно переставал видеть людей, сновавших вокруг. Вот магия, которой я был свидетелем, и хотя мог бы описать ее, никто другой не сумел бы воспользоваться ею.

Как я ухаживал за Молли? Я был неуклюжим мальчишкой и глядел на нее, раскрыв рот, подобно дурачку, который тарашится на сверкающие диски бродячего жонглера. Полагаю, она первой поняла, что я влюблен в нее. И она позволила мне ухаживать за ней, хотя я был на пару лет младше, не жил в городе и, насколько она знала, не имел перспективной профессии. Она думала, что я посыльный из замка, от случая к случаю подрабатывающий в конюшнях. Она так и не заподозрила, что я бастард, непризнанный сын наследного принца Чивэла, столкнувший его с пути к трону. Это само по себе было величайшей тайной. О моих магических способностях и о моей настоящей профессии Молли не знала ничего.

Может быть, именно поэтому я смог полюбить ее. И, безусловно, поэтому потерял. Я позволил тайнам, падениям и боли других моих жизней поглотить слишком много моего времени и внимания. Была магия, которой надо учиться, тайны, которые надо разнюхивать, люди, которых надо убивать, и интриги, в которых надо уцелеть. Из-за всего этого мне никогда не приходило в голову обратиться к Молли за поддержкой и пониманием, которых не мог дать мне никто, кроме нее. Она не имела отношения ко всему этому и не была за-

пятнана ничем. Я старательно оберегал ее от любого прикосновения к этим сферам своей жизни. Никогда не пытался втянуть в свои дела. Вместо этого я окунался в ее мир — мир рыбной ловли и кораблей портового города. Молли продавала свечи и мед, делала покупки на рынке, а иногда гуляла со мной по пляжу. Чтобы любить ее, мне было достаточно самого факта ее существования. Я не смел и надеяться, что она может ответить на мое чувство.

Пришло время, когда обучение Силе ввергло меня в отчаяние столь глубокое, что я не надеялся пережить его. Я не мог простить себя за то, что оказался неспособен овладеть Силой; не мог вообразить, что мой провал может быть совершенно безразличен другим людям. Я погрузился в свое отчаяние в угрюмом самоустранении. Прошли долгие недели, в течение которых я не видел Молли и не послал ей никакой весточки о том, что думаю о ней. В конце концов, когда больше обратиться мне было не к кому, я все же нашел ее. Слишком поздно. Однажды вечером я пришел в «Пчелиный бальзам» с корзиной подарков и как раз успел увидеть, как Молли уходит. Не одна. С Джедом, красивым широкоплечим моряком с шикарной серьгой в одном ухе, в расцвете его мужской зрелости. Незамеченный, сраженный, я скользнул в сторону и наблюдал, как они рука об руку идут от свечной мастерской. Я смотрел, как Молли уходит, и позволил ей уйти, а в последующие месяцы пытался убедить себя, что мое сердце тоже отпустило ее. Не знаю, что могло бы случиться, если бы я побежал за ними тем вечером и вымолил у нее одно последнее слово. Странно думать, как много событий может произойти из-за неуместной гордости мальчика, приученного к поражениям. Я выбросил Молли из головы и ни с кем не говорил о ней. Я продолжал жить.

Король Шрюд послал меня в качестве личного убийцы с огромным караваном, отправленным засвидетельствовать обет горной принцессы Кетриккен, которая должна была стать женой принца Верити. Мне надлежало устранить ее старшего брата, принца Руриска, с тем чтобы Кетриккен осталась единственной наследницей трона Горного Королевства. Но, прибыв туда, я натолкнулся на паутину обмана и лжи, сотканную моим младшим дядей, принцем Регалом, который задумал

уничтожить Верити и сам претендовал на руку принцессы. Я был пешкой, которой он собирался пожертвовать в этой комбинации. И я был пешкой, которая неожиданно опрокинула другие фигуры, расставленные им. Ярость и месть Регала обрушились на меня, но я сохранил для Верити его корону и его невесту. Не думаю, что это был героизм. И не думаю, что это была простая месть человеку, который всегда унижал и оскорблял меня. Это был поступок мальчика, становящегося мужчиной и выполнившего клятву, данную много лет назад, еще до того, как я понял ее цену. Я заплатил за это своим здоровьем, которое так долго считал чем-то само собой разумеющимся.

Долгое время, после того как был разрушен заговор Регала, я провел в Горном Королевстве, почти не вставая с постели. Но настало утро, когда я проснулся и понял, что моя долгая болезнь наконец отступила. Баррич решил, что я достаточно здоров, для того чтобы начать долгое путешествие домой, в Шесть Герцогств. Принцесса Кетриккен и ее свита уехали в Олений замок на несколько недель раньше, когда погода еще не испортилась. Теперь в горах уже бушевали снега. Если бы мы в самое ближайшее время не покинули Джампи, то были бы вынуждены зимовать там. В то утро я проснулся рано и укладывал оставшиеся вещи, когда начался первый приступ мелкой дрожи. Я решительно пренебрег им. Я просто ослабел, сказал я себе, и еще не завтракал, а кроме того, возбужден предстоящим путешествием. Я надел то, что приготовила Джонки для нашей долгой поездки через горы и равнины. Для меня она принесла длинную красную рубашку, подбитую шерстью, и зеленые стеганые штаны, окаймленные красным у пояса и манжет. Сапоги были мягкими и почти бесформенными. Они напоминали мешки из мягкой кожи, отороченные мехом, и закреплялись на ноге длинными кожаными полосками. Моим дрожащим пальцам было нелегко завязать их. Джонки сказала нам, что эти сапоги идеально подходят для сухого горного снега, но лучше их не мочить.

В комнате было зеркало. Сперва я улыбнулся своему отражению. Даже шут короля Шрюда не одевался так ярко. Но по контрасту с веселой расцветкой одежды мое лицо казалось

особенно худым и бледным, а глаза — слишком большими. Жесткие черные волосы, остриженные на время болезни, торчали, как шерсть у собаки на загривке. Моя болезнь иссушила меня. Но я сказал себе, что наконец отправляюсь домой. И отвернулся от зеркала. Когда я упаковывал несколько маленьких подарков, которые выбрал, чтобы отвезти домой друзьям, слабость стала доносить меня пуще прежнего.

В последний раз Баррич, Хендс и я сели позавтракать с Джонки. Я снова поблагодарил ее за все, что она сделала для моего выздоровления. Я взял ложку, собираясь приняться за кашу, и мою руку свело судорогой. Ложка упала. Я проводил ее глазами и упал вслед за ней.

Следующее, что я помню, — это темные углы спальни. Долгое время я лежал не двигаясь и не разговаривая. Состояние опустошенности сменилось пониманием того, что со мной случился еще один припадок. Он прошел; тело и разум снова подчинялись мне. Но я больше не хотел ими командовать. В пятнадцать лет, когда большинство людей только начинают входить в силу, я уже не мог довериться своему телу даже самую простую работу. Мое тело было разрушено, и в приступе горькой обиды я злился, что оно никуда не годится. Я люто ненавидел себя и искал способа выразить мое жестокое разочарование. Почему я не смог выздороветь? Почему я не поправился?

— На это потребуется время, вот и все. Подожди, пока пройдет полгода после отравления. Тогда и оценивай себя.

Это была Джонки, целительница. Она сидела у огня, но ее кресло было задвинуто в тень. Я не замечал ее, пока она не заговорила. Она поднялась медленно, будто по зиме у нее разболелись суставы, подошла и встала у моей постели.

— Я не хочу превратиться в старика!

Джонки поджала губы:

— Раньше или позже, но тебе придется. Я, по крайней мере, очень надеюсь, что ты доживешь до этого. Я стара, и мой брат, король Эйод, тоже. Мы не находим, что это такая уж тяжелая участь.

— Пусть мое тело станет телом старика, но только когда придет срок! А так жить я не могу.

Она озадаченно покачала головой:

— Конечно можешь. Лечиться бывает скучно, но сказать, что ты не можешь так жить... Я не понимаю. Может быть, тому виной различие в наших языках.

Я набрал воздуха, чтобы заговорить, но в это мгновение вошел Баррич:

— Проснулся? Тебе лучше?

— Проснулся. Мне не лучше, — пробурчал я.

Даже мне самому это показалось ответом капризного ребенка.

Баррич и Джонки переглянулись. Старая женщина подошла к постели, похлопала меня по плечу и молча вышла из комнаты. Их очевидное спокойствие раздражало, и бессильная ярость захлестывала меня, подобно приливу.

— Почему ты не можешь вылечить меня? — требовательно спросил я Баррича.

Мой обвинительный тон, казалось, обескуражил его.

— Это не так просто... — начал Баррич.

— Почему? — Я приподнялся в постели. — Я видел, как ты избавляешь животных от самых разных недугов. Лихорадка, сломанные кости, глисты, чесотка... Ты — главный конюший, и я видел, как ты со всем этим справляешься. А почему ты не можешь вылечить меня?

— Ты не собака, Фитц, — тихо сказал Баррич. — С животным, когда оно серьезно заболевает, проще. Иногда мне приходится идти на крайние меры, и тогда я говорю себе: «Что ж, если собака умрет, она, по крайней мере, не будет больше страдать. Смерть избавит ее от мучений». Я же не могу поступить так с тобой. Ты не собака.

— Это не ответ! Стражники тоже зачастую идут не к врачу, а к тебе. Ты вынул наконечник стрелы из раны Дэна. Ты разрешил ему всю руку, чтобы это сделать! Когда лекарь сказал, что нога Грейдин слишком воспалилась и ее придется отнять, Грейдин пришла к тебе и ты спас ей ногу. А лекарь все время говорил, что заражение пойдет дальше, Грейдин умрет и ты будешь в этом виноват.

Баррич скрипнул зубами. Будь я здоров, я бы остерегся его гнева. Но он так заботливо и терпимо относился ко мне, пока